

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 346.546(4-672ЕС)
DOI: 10.12737/jfcl.2022.027

Антимонопольное регулирование в странах Европейского Союза

Валерий Геннадиевич Истомин

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, 5555VS@rambler.ru

Аннотация. Существующая в рамках Европейского Союза система антимонопольного регулирования характеризуется сочетанием национального и так называемого наднационального правового регулирования, называемого часто «коммунитарным» правом. Антимонопольное законодательство ЕС отличается достаточной степенью разработанности многих институтов конкурентного права, наличием сходных с российской правоприменительной практикой проблемных вопросов и в этом смысле представляет интерес для теоретического исследования с целью определения возможности использования тех или иных положений при дальнейшем совершенствовании норм российского конкурентного права. Современное европейское антимонопольное законодательство и теория европейского конкурентного права развиваются в направлении унификации национальных антимонопольных предписаний государств — членов ЕС, обеспечения защиты прав субъектов частного права, пострадавших в результате антиконкурентного поведения, поддержания добросовестной конкуренции на современных цифровых рынках.

Методы исследования: формально-логическое толкование, системный и сравнительный анализ.

В результате рассмотрения как общих положений нормативных актов Европейского Союза, так и предписаний законодательства о защите конкуренции отдельных государств — членов ЕС сделан вывод о целесообразности использования ряда норм европейского антимонопольного законодательства, касающихся недействительности картельных соглашений, солидарной ответственности их участников, порядка возмещения причиненных хозяйствующим субъектам и потребителям убытков, а также некоторых других с целью стимулирования развития частного правоприменения по антимонопольным спорам в России. Анализируются нормы представленного Европейской комиссией проекта закона о цифровых рынках, отмечается необходимость подобного акта с учетом развития отношений цифровизации и появления рынков нового типа, а также возможность использования некоторых его положений в процессе развития российского конкурентного права.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, акты Европейского Союза, национальное законодательство, монополистическая деятельность, гражданско-правовая ответственность, цифровые «привратники»

Для цитирования. Истомин В. Г. Антимонопольное регулирование в странах Европейского Союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 2. С. 108—120. DOI: 10.12737/jfcl.2022.027

Antimonopoly Regulation in the EU Countries

Valery G. Istomin

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, 5555VS@rambler.ru

Abstract. The system of antimonopoly regulation currently existing within the European Union is characterized by a combination of national and supranational legal regulation, a sufficient degree of development of many institutions of competition law, the presence of problematic issues similar to Russian law enforcement practice, and in this sense is of considerable interest for theoretical research in order to determine the possibility of using certain provisions of the EU antimonopoly legislation with further improvement of the norms of Russian competition law. Modern European antimonopoly legislation and the theory of competition law are developing in the direction of unifying the national antimonopoly regulations of the EU member states, ensuring the protection of the rights of subjects affected by anti-competitive behavior, maintaining fair competition in modern digital markets.

Research methods: formal and logical interpretation, systematic and comparative analysis.

As a result of consideration of both the general provisions of the EU regulations of the and the legislation on the competition protection of individual EU member states, it was concluded that it is advisable to use a number of norms of the European antimonopoly legislation concerning the invalidity of cartel agreements, joint liability of their participants, the procedure for compensation of losses caused to economic entities and consumers, as well as some others in order to stimulate development of private law enforcement

on antimonopoly disputes in Russia. The norms of the Draft Law on Digital Markets submitted by the European Commission are analyzed, the need for such an act is noted, taking into account the development of digitalization relations and the emergence of a new type of markets, as well as the possibility of using some of its provisions in the development of Russian competition law.

Keywords: antimonopoly regulation, acts of the European Union, national legislation, monopolistic activity, civil liability, digital “gatekeepers”

For citation. Istomin V. G. Antimonopoly Regulation in the EU Countries. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 108—120. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2022.027

Европейское антимонопольное законодательство имеет давнюю историю. Если применительно к США первые антимонопольные законы стали появляться в отдельных штатах лишь в 1880-х гг., а знаменитый Закон Шермана, составляющий основу американского антитрестовского законодательства, был принят в 1890 г., то в Европе история антимонопольного регулирования начинается с более древних времен. В настоящее время европейское законодательство в сфере антимонопольного регулирования представляет собой сложившуюся и в то же время динамично развивающуюся систему норм. Учитывая определенное сходство правовых систем и подходов к регулированию различных общественных отношений в России и многих государствах Европейского Союза (далее — ЕС, Евросоюз), изучение динамики развития и современного состояния антимонопольного регулирования в рамках ЕС может способствовать совершенствованию отечественного правового регулирования в сфере защиты конкуренции.

Кратко характеризуя историю европейского антимонопольного законодательства, отметим, что одним из первых известных актов в этой сфере выступает Конституция о ценах римского императора Зенона (483 г. до н. э.), в которой был установлен запрет «осуществлять монополию на какой-либо вид одежды или на рыбу, или на какую-либо иную вещь, служащую в качестве продовольствия или предназначенную для другого использования». Речь в данном случае шла о запрете любых действий и соглашений, направленных на установление продажной цены товаров не ниже определенного уровня. Отдельные дела, связанные с защитой добросовестной конкуренции, можно обнаружить и в европейской средневековой судебной практике. Так, в 1414 г. в Англии было рассмотрено дело по иску к Дж. Дайеру о взыскании с последнего штрафа за нарушение условий договора, по которому Дайер был обязан «не использовать свое мастерство красильщика в пределах города на протяжении полугода». Суд объявил обязательство красильщика недействительным и постановил взыскать штраф с истца, а не с ответчика¹. С течением времени и вследствие развития торговли, производства, транспортной инфраструктуры феодальные монополии все больше стали препятствовать становлению новых форм хозяйствования. В связи

с этим формирование антимонопольного законодательства в странах Европы продолжилось. Так, в Англии в 1624 г. был принят Статут о монополиях, который объявил противоречащими законам королевства и недействительными «все монополии, все полномочия, пожалования, лицензии, хартии и патенты, сделанные или предоставленные до сих пор, или те, которые в будущем будут жаловаться любому лицу или лицам... для исключительной покупки, продажи... или использования какой-либо вещи в этом королевстве»². Дальнейшее становление и функционирование рыночной экономики, усиление конкурентного взаимодействия хозяйствующих субъектов, формирование отраслевых рынков, увеличение концентрации производства и капитала привели к тому, что ведущие европейские государства так или иначе начали сталкиваться с необходимостью системного регулирования деятельности компаний в целях защиты добросовестных участников рынка и потребителей от антиконкурентного поведения и злоупотребления субъектами рыночной властью. В частности, в Германии в 1896 г. был принят специальный Закон о недобросовестной конкуренции, направленный на противодействие злоупотреблениям со стороны участников рынка, однако в связи с тем, что данный Закон описывал лишь отдельные, довольно узкие случаи недобросовестной конкуренции, немецкий законодатель в 1909 г. заменил его аналогичным, но более содержательным нормативным актом (просуществовавшим вплоть до 2004 г.). В соответствии с § 1 Закона о недобросовестной конкуренции 1909 г. недобросовестная конкуренция рассматривалась как «действия, противоречащие добрым обычаям». Данный параграф также содержал общее положение о том, что на лицо, совершившее такие действия, может быть возложена обязанность прекратить их и, кроме того, возместить ущерб. Формами недобросовестной конкуренции выступали сообщение хозяйствующим субъектом не соответствующих действительности сведений о своем товаре, дискредитация конкурента, использование фирменного наименования либо коммерческого обозначения способом, который может вызвать смешение с наименованием либо обозначением другого лица, недобросовестные действия на торгах, разглашение чужих

¹ См.: *Беляева О. А.* Предпринимательское право: учеб. пособие / под ред. *В. Б. Ляндреса*. М., 2006. С. 208.

² *Баринев Н. А., Козлова М. Ю.* Антимонопольное законодательство РФ (вопросы теории и практики). Волгоград, 2001. С. 14.

секретов производства. Помимо гражданско-правовой ответственности закон предусматривал возможность применения к нарушителям уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы.

Во Франции антимонопольное законодательство в то время развивалось преимущественно как уголовное, подтверждением чему служит Закон Ле Шапелье 1791 г. и ст. 419—420 Уголовного кодекса Франции 1810 г. Законом Ле Шапелье запрещались соглашения лиц, принадлежащих к одной и той же профессии или ремеслу, относительно их так называемых «общих интересов». Зачинщики, организаторы и подстрекатели заключения подобных соглашений наказывались денежным штрафом в 500 ливров и временным лишением прав гражданства, а если деяние было совершено с применением угроз против конкурентов — штрафом в 1000 ливров и трехмесячным тюремным заключением. Статья 419 УК Франции предусматривала ответственность за повышение или понижение цен выше или ниже тех, которые определяются «свободной и естественной торговой конкуренцией». Параллельно с этим во Франции важную роль в борьбе с недобросовестной конкуренцией долгое время играла судебная практика. Сравнивая в начале прошлого века французскую и немецкую правовые системы борьбы с недобросовестной конкуренцией, А. И. Каминка отмечал, что «французская судебная практика проявила огромную энергию в этой борьбе, не имея на своей стороне, строго говоря, поддержки законодателя. Немецкий суд обнаружил в этом вопросе большую сдержанность. Но, считаясь с этим, германский законодатель счел себя вынужденным взять в свои руки эту борьбу. Какая из этих двух систем более целесообразна? ...Путь судебной борьбы представляется менее совершенным»³.

Значительную роль в становлении и развитии современного европейского законодательства о защите конкуренции играли и господствовавшие в тот или иной период экономические воззрения, в частности отход от представлений об абсолютной свободе рыночных отношений и признание допустимости государственного регулирования экономической деятельности в интересах общества, важности защиты прав и законных интересов как участников рынка, так и потребителей. В настоящее время даже представители немецкого и английского экономического неоллиберализма не отрицают необходимости государственной поддержки конкуренции и ограничения в той или иной степени экономической монопольной власти⁴. Вместе с тем в экономике и юриспруденции высказывается мнение о ненужности антимо-

нопольного регулирования как такового, поскольку оно приводит к уменьшению общественного благосостояния, нарушает права собственности, свободу договора, принцип равенства прав субъектов⁵. Однако представляется, что защита добросовестной конкуренции и противодействие монополизации рынков являются залогом экономического развития современного государства, что подтверждается в том числе сегодняшним состоянием экономики ведущих европейских стран. Другое дело, что не должно быть постоянного вмешательства антимонопольных органов в экономическую деятельность, поскольку конкуренция как состояние рынка способна дать хороший результат⁶.

Оказало влияние на европейское конкурентное право и антимонопольное законодательство США. Американское антимонопольное регулирование было направлено прежде всего на пресечение монополистической деятельности компаний, противодействие монополизации рынков, оно показало свою эффективность и свидетельствовало о важности наличия в законодательстве норм, препятствующих злоупотреблениям рыночной властью со стороны крупных хозяйствующих субъектов. Во многом благодаря роли США нормы, направленные на борьбу со злоупотреблениями монополий, появились сначала в законодательстве Германии, а впоследствии и в учредительных документах ЕС.

Произошедшие после Второй мировой войны интеграционные процессы в Европе, связанные с созданием Европейского экономического сообщества (ныне — Европейский Союз), привели к тому, что помимо национального правового регулирования для государств — членов ЕС юридически обязательными являются и нормативные акты органов ЕС, в том числе в сфере конкурентного права. Более того, государства ЕС должны обеспечить гармонизацию своего национального законодательства с правовыми актами ЕС. В европейской литературе обязательство национальных органов применять положения Договора о функционировании Европейского Союза 1957 г. (далее — ДФЕС) наряду со своими национальными правилами оценивается позитивно, поскольку это обеспечивает единообразное рассмотрение дел об антиконкурентных соглашениях во всей Европе. Также отмечается, что европейская система антимонопольного регулирования хорошо сбалансирована между достаточной степенью автономии национальных органов по вопросам ведения своих дел, разработки законодатель-

⁵ См.: Толочко О. Н. Институт защиты конкуренции в национальном и международном праве: опыт, проблемы, перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 6. С. 157.

⁶ См.: Peeperkorn L. Competition Policy is not a Stopgap! // Journal of European Competition Law & Practice. 2021. Vol. 12. Iss. 6. P. 415—418.

³ Каминка А. И. Очерки торгового права. М., 2002. С. 266.

⁴ См.: Смирнова К. В. Зарождение и развитие конкурентного права в Европе (теоретико-правовой анализ) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 206—213.

ства о конкуренции и надзорной ролью европейских институтов⁷. В частности, нормы законодательства о защите конкуренции, содержащиеся в нормативных актах ЕС, обладают прямым действием и могут применяться непосредственно компетентными органами стран — членов ЕС, а Еврокомиссия не может быть связана решением национального суда, как и национальный суд не может принять решение, противоречащее решению Комиссии⁸. В юридической науке правовая модель построения законодательства о защите конкуренции, которая в настоящее время существует в Европейском Союзе, определяется как модель международно-правового регулирования отношений конкуренции, основанного на международных договорах и актах межгосударственных организаций, имеющих юридически обязательный характер. При этом отмечается, что построение общего рынка государств-членов как цель и смысл существования европейских сообществ с момента их создания предопределило важное место конкурентной политики в праве сообществ, а ныне — в праве ЕС⁹.

В соответствии со ст. 3 Договора о Европейском Союзе 1992 г. одной из целей деятельности Евросоюза провозглашается создание «в высокой степени конкурентоспособной социальной рыночной экономики», которая бы обеспечивала эффективное функционирование внутреннего рынка в рамках Евросоюза. Достижению этой цели во многом призвано способствовать современное европейское антимонопольное законодательство. Основу конкурентного права Евросоюза составляют положения ст. 101—109 ДФЕС в современной редакции. Статьей 101 запрещены любые соглашения хозяйствующих субъектов, любые решения их объединений и любые виды согласованной практики, которые могут затрагивать торговлю между государствами-членами и создавать препятствия для конкуренции в рамках внутреннего рынка, в том числе выражающиеся в фиксации цен, ограничении или контроле производства либо сбыта продукции, разделе рынков, включении в договоры с партнерами условий, носящих дискриминационный или обременительный характер. Такие соглашения либо решения прямо объявляются ничтожными. Указанная норма различает собственно соглашения, решения объединений компаний и согласованную практику. К решениям объединений предлагается относить любые меры, предпринимае-

мые ассоциациями, которые отражают намерение координировать действия своих участников. Подобные меры могут предусматриваться уставом объединения, внутренними правилами, рекомендациями, кодексами поведения. Например, в деле *Roofing felt* нарушением ст. 101 Договора были признаны резолюции, принятые на общем собрании *Belasco* (объединения бельгийских производителей рубероида), устанавливающие условия деятельности участников объединения¹⁰. Разграничение между соглашениями и согласованной практикой строится по принципу степени выраженности и определенности волеизъявления хозяйствующего субъекта. В этом смысле согласованная практика рассматривается европейским правом как координация деятельности между организациями, не достигшая стадии соглашения и не имеющая всех элементов договора, которая является поведением участников и влечет за собой ограничение конкуренции¹¹. Иными словами, под ней понимается скоординированное, известное друг другу аналогичное поведение хозяйствующих субъектов в процессе конкурентного взаимодействия при отсутствии четко выраженного встречного волеизъявления, которое характерно для соглашений.

Вместе с тем в связи с имеющимися сложностями в разграничении данных правонарушений в теории существует концепция, согласно которой соглашения, решения объединений и согласованная практика рассматриваются как формы сговора, где согласованные действия представляют собой менее интенсивную форму кооперации, чем соглашение или решение объединения компаний. Согласно параграфу 15 принятого Европейской комиссией Руководства по применению ст. 81 Договора об учреждении Европейского сообщества¹² установлено общее правило, в соответствии с которым запрещается такой тип координации или сговора между предприятиями, когда хотя бы одно предприятие обязуется перед другим предприятием вести себя на рынке определенным образом или когда в результате контактов между предприятиями неопределенность их поведения на рынке устраняется или по крайней мере существенно снижается¹³.

¹⁰ См.: *Кутькина А. А.* Соглашение и согласованные действия как виды сговора в конкурентном праве Европейского Союза // *Конкурентное право*. 2015. № 3. С. 8—11.

¹¹ *Imperial Chemical Industries Ltd. V. Commission of the European Communities*. Case 48—69. ECLI identifier: ECLI:EU:C:1972:70. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61969CJ0048> (дата обращения: 16.11.2021).

¹² В настоящее время это ДФЕС, а ст. 81 и 82 Договора об учреждении Европейского сообщества — это соответственно ст. 101 и 102 ДФЕС.

¹³ *Communication from the Commission — Notice — Guidelines on the application of Article 81(3) of the Treaty*,

⁷ См.: *Mundt A.* The ECN's Way Ahead: Making Decentralised Antitrust Enforcement Waterproof // *Journal of European Competition Law & Practice*. 2014. Vol. 5. Iss. 8. P. 519—520.

⁸ См.: *Maher I.* Competition Law Modernization: an Evolutionary Tale? // *The Evolution of EU Law* / ed. by P. Graig, G. de Burca. Oxford University Press, 2011. P. 717—741.

⁹ См.: *Капустин А. Я.* Международные модели регулирования конкуренции: к постановке проблемы // *Журнал российского права*. 2017. № 1. С. 15—24.

Статья 102 ДФЕС объявляет недопустимым злоупотребление со стороны одного или нескольких хозяйствующих субъектов доминирующим положением на внутреннем рынке или на существенной части такового, выражающееся, в частности, в навязывании цен покупки или продажи, установлении для контрагентов неравных либо не относящихся к предмету договора условий, ограничении производства либо сбыта продукции в ущерб потребителям. Конкурентное право ЕС исходит из принципиального положения о том, что правонарушением является не сам по себе факт занятия субъектом доминирующего положения на рынке, а злоупотребление таким положением. Данное обстоятельство позволяет некоторым авторам выделять две системы регулирования монополистической деятельности: американскую и европейскую, видя особенность американской системы в том, что она базируется на запрете монополии как таковой, в то время как европейская система объявляет недопустимым лишь определенные виды поведения монополиста¹⁴.

Понятие доминирующего положения компании сформулировано в различных решениях Европейского суда. Так, по делу “United Brands Company and United Brands Continentaal B.V. v. Commission European Communities” Европейский суд указал, что доминирующее положение представляет собой позицию экономической мощи компании, которая позволяет ей предотвращать поддержание эффективной конкуренции на соответствующем рынке и действовать в значительной степени независимо от своих конкурентов, клиентов и потребителей¹⁵. Подобный вывод был сделан и по некоторым другим аналогичным делам¹⁶. В документах ЕС и сложившейся правоприменительной практике установлена презумпция доминирования компании, занимающей долю на соответствующем рынке более 50%. Если организация занимает меньшую долю рынка, то ее доминирующее положение должно быть доказано в хо-

де рассмотрения дела. Если доля компании на рынке составляет менее 25%, то ее положение предполагается недоминирующим¹⁷. В литературе отмечается, что злоупотреблением доминирующим положением является не только ограничение конкуренции, но и наличие потенциальной угрозы для нее в результате действий организации. Европейская правоприменительная практика рассматривает злоупотребление доминирующим положением в качестве одного из проявлений злоупотребления правом, в чем видится сходство с российским правоприменением¹⁸. Статья 102 находит активное практическое применение. Так, достаточно длительным и многоэпизодным явилось антимонопольное разбирательство, проведенное Европейской комиссией против компании “Google”. В 2017—2019 гг. на компанию было наложено несколько штрафов на миллиарды евро. Среди выдвинутых Google обвинений фигурировало злоупотребление доминирующим положением на рынке поисковых интернет-систем путем неправомерного предоставления преимуществ собственному сервису продаж “Google Shopping” за счет искажения результатов поиска различных товаров по запросам потребителей. Еврокомиссии удалось установить, что предложения основного конкурента Google Shopping выдавались в среднем на четвертой странице поиска, а предложения остальных конкурентов — и того дальше, что создавало для компании необоснованные конкурентные преимущества. Кроме того, компания была обвинена в злоупотреблении доминирующим положением на рынке программного обеспечения мобильных устройств, использующих принадлежащую Google операционную систему “Android”. Компания “Google” в договорах с производителями мобильных устройств на базе Android в обмен на возможность предоставления лицензионного доступа к магазину приложений “Play Store” предусматривала условие об установке Google Search в качестве поисковой системы по умолчанию, а также своего браузера “Chrome” и в ряде случаев осуществляла финансовые выплаты производителям за то, чтобы Google Search и Chrome были единственными предустановленными приложениями в своих категориях. Злоупотребления компаний своим доминирующим положением имеют место и на других рынках в рамках ЕС¹⁹.

para. 15. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52004XC0427\(07\)&from=EN](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52004XC0427(07)&from=EN) (дата обращения: 16.11.2021).

¹⁴ См.: Шайхеев Т. И. Индивидуальная и коллективная монополистическая деятельность хозяйствующих субъектов по конкурентному (антимонопольному) праву России и зарубежных стран // *Международное публичное и частное право*. 2012. № 4. С. 36.

¹⁵ United Brands Company and United Brands Continentaal BV v. Commission of the European Communities. Case 27/76. ECLI identifier: ECLI:EU:C:1978:22. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61976CJ0027#12> (дата обращения: 16.11.2021).

¹⁶ См., например: Hoffmann-La Roche & Co. AG v. Commission of the European Communities. Case 85/76. ECLI identifier: ECLI:EU:C:1979:36. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61976CJ0085> (дата обращения: 16.11.2021).

¹⁷ Competition Law and Policy in the European Union. OECD law database. URL: <https://www.oecd.org/eu/35908641.pdf> (дата обращения: 16.11.2021).

¹⁸ См.: Яковлева А. А. Доминирующее положение на товарном рынке и злоупотребление им в праве Европейского Союза // *Конкурентное право*. 2013. № 3. С. 27.

¹⁹ См., например: Яковлева А. А. Воспрепятствование доступу на рынок поставки газа в свете правоприменительной практики антимонопольных органов России и Европейского Союза // *Конкурентное право*. 2013. № 4. С. 18—25.

В соответствии со ст. 107 ДФЕС установлены ограничения в отношении какой-либо помощи, которая может быть предоставлена государством — членом ЕС своим хозяйствующим субъектам, поскольку такая помощь может ставить компании в неравное положение, создавать для них преимущества и таким образом нарушать рыночную конкуренцию либо создавать угрозу таковой. Исключением являются отдельные виды помощи социального или экономически вынужденного характера, которые предназначены для нужд потребителей либо устранения тех или иных неблагоприятных экономических ситуаций. Также допускается помощь, призванная содействовать реализации важных общеевропейских проектов либо способствовать развитию отдельных видов хозяйственной деятельности или отдельных регионов, когда она не изменяет условия торговли в такой степени, которая противоречила бы общим интересам.

В Евросоюзе принято немало актов, развивающих и дополняющих основополагающие нормы договоров ЕС, касающиеся антимонопольного регулирования. Речь идет прежде всего о различных актах Совета ЕС и Комиссии Евросоюза. В частности, важную роль в конкурентном праве ЕС играют регламенты Совета ЕС от 16 декабря 2002 г. № 1/2003 по имплементации правил конкуренции, предусмотренных ст. 101 и 102 (бывшими ст. 81 и 82) ДФЕС, и № 139/2004 от 20 января 2004 г. о контроле над операциями по концентрации (слиянию и поглощению) предприятий, а также Регламент Комиссии ЕС № 800/2008 от 6 августа 2008 г., объявляющий определенные категории помощи совместимыми с общим рынком.

Контроль за экономической концентрацией хозяйствующих субъектов — еще одно важное направление антимонопольного регулирования в рамках ЕС. Необходимость данной деятельности обусловлена тем, что в условиях рыночной экономики компании нередко пытаются ослабить конкуренцию и упрочить свое экономическое положение путем поглощения фирм-конкурентов и приобретения их активов. Подобное поведение в дальнейшем может оказать негативное влияние на общее состояние рынка и ограничить конкуренцию. В соответствии с Регламентом Совета ЕС № 139/2004 от 20 января 2004 г. Европейская комиссия должна быть предварительно уведомлена о предполагаемой концентрации компаний (слиянии, присоединении компаний, приобретении прямого или косвенного контроля над имуществом компании либо получении прав управления компанией), имеющей значение для рынка ЕС. Имеющей такое значение признается концентрация, если совокупный годовой оборот участвующих в ней компаний превышает 5 млрд евро либо совокупный оборот не менее чем двух компаний на территории Евросоюза превышает 250 млн евро. Также предварительного согласования требуют действия по концентрации, если общий годовой оборот компаний-участников превышает 2,5 млрд евро,

причем годовой оборот по крайней мере двух из них превышает 100 млн евро. В каждой из не менее чем трех стран Евросоюза годовой оборот всех участников концентрации не должен быть меньше 100 млн евро, причем по крайней мере в двух из них — не менее 25 млн евро. По результатам рассмотрения уведомления Европейская комиссия принимает решение, которым согласовывает либо отказывает в согласовании соответствующих действий по концентрации. Если несовместимая с общим рынком Евросоюза экономическая концентрация все же была произведена, то Еврокомиссия вправе потребовать восстановления положения, существовавшего до ее проведения, в том числе реорганизации компании в форме разделения либо отчуждения всех приобретенных организацией акций или активов. За предоставление неточной либо заведомо ложной информации на компанию может быть наложен оборотный штраф.

Так, предметом исследования Европейской комиссии в разное время становились сделка по слиянию социальных сетей “Facebook”^{*} и “WhatsApp”, а также приобретение корпорацией “Microsoft” профессиональной социальной сети “LinkedIn”. И если первая сделка не вызвала каких-либо претензий со стороны антимонопольного органа и была одобрена, то при согласовании в 2016 г. сделки между Microsoft и LinkedIn Еврокомиссией были сформулированы некоторые условия, связанные с необходимостью обеспечения конкуренции на соответствующем рынке. В частности, компаниям было предписано обеспечить возможность производителей компьютеров и мобильных устройств не предустанавливать приложение LinkedIn на устройства с операционной системой “Windows” и не создавать препятствий для доступа конкурирующих профессиональных социальных сетей к семейству продуктов Microsoft Office, а также к мобильным приложениям Microsoft Office²⁰.

Таким образом, антимонопольное регулирование в Евросоюзе осуществляется по следующим трем основным направлениям: 1) пресечение монополистической деятельности в виде злоупотребления доминирующим положением, антиконкурентных соглашений либо согласованной практики; 2) контроль за предоставлением государственной помощи хозяйствующим субъектам; 3) контроль за действиями, направленными на концентрацию компаний.

Отметим, что нормативные акты ЕС практически не содержат общих норм, связанных с защитой от недобросовестной конкуренции. Нормы, регулирующие указанные отношения, имеются в национальном законодательстве государств — членов ЕС.

^{*} Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

²⁰ См.: Позднякова А. Э., Котова Д. А., Семенова Е. В. Вопросы конкуренции на рынке социальных сетей // Закон. 2020. № 2. С. 74—85.

В настоящее время одним из проблемных вопросов, стоящих перед государствами ЕС, является проблема обеспечения более эффективного частного правоприменения как инструмента борьбы с нарушениями антимонопольного законодательства и способа возмещения убытков, причиненного этими нарушениями. Такое правоприменение призваны осуществлять сами субъекты, пострадавшие в результате антиконкурентного поведения компаний, в том числе граждане-потребители. Констатируется его относительная слабость и недостаточная развитость по сравнению с теми же США. В свое время Комиссия ЕС отмечала, что большинство жертв нарушений правил конкуренции на территории Евросоюза на практике не получают компенсации за причиненный им вред²¹.

В целях стимулирования подачи частных антимонопольных исков была принята Директива № 2014/104/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 26 ноября 2014 г. о некоторых правилах, регулирующих действия по возмещению ущерба за нарушение положений законодательства о конкуренции. При разработке данной Директивы были учтены как опыт частного правоприменения в странах ЕС, так и антимонопольное законодательство США. Директива провозгласила право каждого субъекта на возмещение реального ущерба и упущенной выгоды, возникших в результате нарушения законодательства о защите конкуренции, а также на взыскание процентов, связанных с истечением определенного времени с момента причинения ущерба до его фактического возмещения. При этом в отличие от американского антимонопольного законодательства данный нормативный акт не предусматривает возможности взыскания кратных или штрафных убытков, а также предоставляет право требовать возмещения убытков не только прямым, но и косвенным контрагентам. Кроме того, Директивой закрепляется очень важное положение о презумпции возникновения вреда у субъектов, вступивших в экономические отношения с нарушителями антимонопольного законодательства (прежде всего с участниками антиконкурентного соглашения). Опровергнуть ее должен сам нарушитель. Директивой также предусмотрена возможность возложения на предполагаемого нарушителя обязанности раскрыть необходимую информацию о своей деятельности с целью облегчить для заявителя сбор доказательств по делу. В этом случае от истца не требуется указание на конкретные документы, которые должны быть предоставлены ответчиком, достаточно разумного обоснования определенной категории

документов, где могут содержаться доказательства правонарушения и которые необходимо исследовать в ходе разбирательства по делу. Требовать раскрытия информации истец может и от государственных, в том числе антимонопольных, органов. Наконец, Директива исходит из известного американскому праву принципа солидарной ответственности нарушителей антимонопольного законодательства, действовавших совместно, в частности в рамках картельного сговора, с той лишь разницей, что в праве США не допускается предъявление нарушителем, единолично возместившим причиненный потерпевшему вред, последующего регрессного требования к другим участникам картеля. В европейском праве предъявление такого требования возможно.

Некоторые положения указанной Директивы, по нашему мнению, могут быть использованы и в российском антимонопольном законодательстве. Так, серьезный интерес представляет предусмотренная Директивой опровержимая презумпция причинения вреда участниками картельного соглашения своим контрагентам, в том числе в результате повышения или понижения цен. Установление подобной презумпции в российском законодательстве в отношении лиц, осуществляющих монополистическую деятельность, позволит более эффективно осуществлять взыскание причиненных хозяйствующим субъектам убытков.

Целесообразно учесть и другую предусмотренную Директивой презумпцию: при предъявлении иска непрямым контрагентом нарушителя предполагается, что данный контрагент понес убытки в результате перенесения на него прямым покупателем монополично завышенной цены товара в ходе последующей перепродажи в полном объеме. Такая норма способствовала бы защите прав косвенных контрагентов нарушителя.

Представляется возможным предусмотреть в российском антимонопольном законодательстве правило о солидарной ответственности лиц, совместно его нарушивших (например, заключивших антиконкурентное соглашение или совершивших согласованные действия). В теории российского конкурентного права по данному вопросу высказаны различные точки зрения. Одни авторы полагают, что при совершении коллективного антимонопольного правонарушения (например, при заключении антиконкурентного соглашения или коллективном доминировании) потерпевший субъект имеет право требовать возмещения убытков как от одного из лиц, совершивших данное правонарушение, так и от всех одновременно, как полностью, так и в части²². Другие, наоборот, считают обоснованным предъявление требования лишь к

²¹ См.: *Vandenborre I., Lent K., Goetz T., Frese M.* Actions for Antitrust Damages in the European Union: Evaluating the Commission's Directive Proposal // *Global Competition Litigation Review*. Thomson Reuters (Professional) UK Limited and Contributors. 2014. Iss. 1. P. 1.

²² См.: *Сулименко А. Д.* Взыскание убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства // *Юрист*. 2019. № 7. С. 61—69.

тому субъекту, с кем у пострадавшего лица возникли правоотношения по купле-продаже товаров²³.

Существующая в настоящее время отечественная судебная практика демонстрирует примеры отрицательного отношения судебных органов к возможности привлечения сонарушителей антимонопольного законодательства к солидарной ответственности²⁴. Вместе с тем привлечение лиц, нарушивших антимонопольное законодательство, и прежде всего лиц, заключивших картельное соглашение, к солидарной ответственности возможно. Несмотря на то что действия фактического характера либо сделки совершаются каждым из участников картеля внешне самостоятельно, тем не менее в основе их совершения лежит общее намерение участников антиконкурентного соглашения исполнить данное соглашение, и в этом смысле можно говорить об осознанном совместном поведении каждого из них по выполнению условий соглашения и причинно-следственной связи между заключением картельного соглашения и последующими действиями по его реализации, изначальной обусловленности этих действий наличием организационной картельной сделки. Однако во избежание указанных споров следует законодательно закрепить соответствующее правило о солидарной ответственности.

Также целесообразно включить в российское законодательство о защите конкуренции общую норму о недействительности антиконкурентных соглашений, как это установлено в ст. 102 ДФЕС. Подобная юридическая оценка соглашений, нарушающих антимонопольное законодательство, позволит судебным органам более четко представлять их гражданско-правовые последствия и будет способствовать защите нарушенных имущественных прав пострадавших субъектов, тем более что в теории конкурентного права ограничивающие конкуренцию соглашения рассматриваются именно как недействительные сделки²⁵.

Национальное антимонопольное законодательство отдельных государств — членов ЕС, несмотря на прилагаемые ими усилия по его общей гармонизации с законодательством ЕС, обладает определен-

ной спецификой. В ряде государств ЕС, например в Германии, Швейцарии, Австрии, антимонопольное регулирование и пресечение недобросовестной конкуренции осуществляются на основании отдельных специальных нормативных актов. Так, в Германии действуют Закон против ограничений конкуренции 1957 г. и Закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией 2004 г. Первый из них в качестве противоправных действий устанавливает ограничивающие конкуренцию соглашения, решения ассоциаций компаний и согласованные действия, а также объявляет недопустимым злоупотребление доминирующим положением со стороны одного или нескольких хозяйствующих субъектов. Законом установлена презумпция доминирования компании, если ее рыночная доля составляет не менее 40%. Также запрещается принуждение компаний к определенному поведению с целью ограничения конкуренции. Любой нарушитель антимонопольных запретов обязан возместить причиненный ущерб, при этом причинение ущерба в результате реализации картельных соглашений либо антиконкурентных согласованных действий предполагается. Обращаться с заявлением о возмещении убытков, включая упущенную выгоду, могут как прямые, так и косвенные контрагенты нарушителя. Закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией призван защитить хозяйствующих субъектов, потребителей и других участников рынка от недобросовестной деловой активности. Он устанавливает виды недопустимых в ходе рыночного соперничества действий, среди которых агрессивная либо недобросовестная деловая практика, дискредитация конкурентов, введение в заблуждение относительно тех или иных характеристик товара либо торговой операции, реклама, не соответствующая действительности, навязываемая или способная сформировать искаженные представления у адресатов.

Антимонопольное законодательство других стран Европы нередко не проводит четкого разграничения между нормами о запрете монополистической деятельности и пресечении недобросовестной конкуренции в виде принятия отдельных нормативных актов. Борьба с указанными правонарушениями в данных странах осуществляется на основании как специальных законодательных актов, так и общих норм гражданского права. К данной группе государств, в частности, могут быть отнесены Великобритания²⁶, Италия, Латвия. Монополистическая деятельность в

²³ См.: Гаврилов Д. А. Некоторые вопросы взыскания убытков вследствие нарушения антимонопольного законодательства: текущая практика и перспективы с учетом зарубежного опыта // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 3. С. 19—27.

²⁴ См., например, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 мая 2019 г. № Ф09-1993/19 по делу № А60-35917/2018, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 сентября 2016 г. по делу № А46-9296/2015.

²⁵ См.: Истомин В. Г. Антиконкурентные соглашения: юридическая сущность и правовые последствия // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 62—71.

²⁶ Несмотря на то что Великобритания не так давно прекратила свое членство в Европейском Союзе и юрисдикция ЕС в целом более не распространяется на данное государство, рассмотрение антимонопольного законодательства Великобритании в контексте настоящей работы представляется возможным в силу длительности нахождения страны в составе ЕС, ее вхождения в число наиболее экономически развитых европейских государств, а также наличия сложившейся си-

Великобритании запрещается прежде всего на основании Закона о конкуренции 1998 г. Данный акт объявляет недопустимыми соглашения компаний, решения ассоциаций либо согласованные действия, которые могут повлиять на торговлю внутри Соединенного Королевства и имеют целью предотвращение, ограничение или искажение конкуренции. Указанное поведение может быть направлено, в частности, на фиксирование цен покупки, продажи либо других условий договора, ограничение или контроль производства, раздел рынка, применение к аналогичным сделкам неодинаковых и невыгодных для контрагентов условий.

Подобные соглашения и решения прямо признаются недействительными. Также запрещается любое поведение со стороны одного или нескольких хозяйствующих субъектов, которое представляет собой злоупотребление доминирующим положением на рынке. Формами злоупотребления могут быть навязывание несправедливых условий договора, ограничение производства или технического развития в ущерб потребителям, согласие заключить договор при условии включения в него дополнительных обязательств контрагента, не имеющих отношения к предмету договора. При установлении нарушения антимонопольный орган вправе потребовать прекращения соответствующих антиконкурентных действий, изменения или расторжения ограничивающего конкуренцию соглашения. На компанию также возможно наложение штрафа в размере до 10% ее оборота. Участник картеля может быть освобожден от штрафных санкций, если он добровольно сообщил о его существовании.

Довольно большое внимание Закон о конкуренции уделяет процедурам возмещения причиненных в результате его нарушения убытков. В соответствии с разд. 47А пострадавший субъект может предъявить гражданский иск о возмещении любых причиненных убытков либо иск о наложении судебного запрета на определенное поведение.

Помимо индивидуальных возможно предъявление и групповых исков. При этом закон в качестве основной процедуры предъявления групповых исков устанавливает так называемую модель *opt-in actions* (т. е. истцами могут являться лишь те лица, которые прямо присоединились к заявленному требованию в рамках группового иска), допуская, однако, и возможность предъявления групповых исков по модели *opt-out actions* (т. е. членами группы истцов изначально признаются все лица, потенциально относящиеся к данной группе, за исключением тех, которые прямо заявили о намерении выйти из нее).

Согласно разд. 49С Закона о конкуренции участник антимонопольного разбирательства вправе пред-

ставить в антимонопольный орган на утверждение предполагаемый порядок досудебного возмещения ущерба, который может быть утвержден данным органом вместе с принятием решения о совершении правонарушения.

Закон о конкуренции, как и Директива № 2014/104/ЕС, исходит из презумпции причинения вреда в результате заключения картельного соглашения, а также солидарной ответственности участников картеля. Преследование недобросовестной конкуренции в Великобритании осуществляется на основании общих норм гражданского права с учетом судебных прецедентов в данной области.

Система антимонопольного регулирования, избранная в Латвии, достаточно близка к российской: нормы, запрещающие монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, сосредоточены в одном нормативном акте — Законе о конкуренции 2001 г.

При сопоставлении английского и немецкого антимонопольного регулирования иногда обращается внимание на применение различных методов регулирования в отношении ограничивающих конкуренцию решений и соглашений. В Германии за нарушение законодательного запрета антиконкурентного поведения возможно прежде всего наложение публичных санкций, в то время как в Англии постулируется признание таких решений и соглашений ничтожными, что предполагает в первую очередь наличие цивилистической ответственности за их совершение²⁷.

В условиях недостаточной развитости частного правоприменения по антимонопольным делам в России, явного преобладания публично-правовой ответственности над гражданско-правовыми мерами отдельные положения английского законодательства, регулирующие, в частности, особенности производства по групповым антимонопольным искам, порядок истребования возможных доказательств от ответчика, могли бы быть восприняты российской правовой доктриной в целях упрощения процедуры привлечения нарушителя к гражданско-правовой ответственности. Возможность предъявления так называемых коллективных или групповых антимонопольных исков в настоящее время все более активно обсуждается и внедряется в правоприменительную практику государств ЕС. Основной используемой при этом законодательной моделью групповых исков в европейских государствах является процедура *opt-in actions* или, по терминологии нормативных актов европейских государств, «система подписки». Однако некоторые ученые призывают более активно использо-

стемы правовой защиты конкуренции, представляющей интерес для научного исследования.

²⁷ См.: Оводов А. А. Правовое регулирование в сфере защиты конкуренции в Федеративной Республике Германия и в Англии: актуальные вопросы // Конкурентное право. 2014. № 4. С. 29—32.

вать американский опыт группового судопроизводства, внедрять действующую в США модель *opt-out actions*, иначе называемую системой отказа. По их мнению, американская система групповых исков доказала свою эффективность в вопросах защиты интересов частных лиц и не идет вразрез с европейскими правовыми традициями, а опасения относительно «приватизации» части публичных функций, появления «частных генеральных прокуроров» в этом случае являются беспочвенными²⁸.

В некоторых государствах Евросоюза отсутствуют самостоятельные акты антимонопольного законодательства, а пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции осуществляется на основании специальных норм, входящих в акты различной отраслевой принадлежности, а также общих положений гражданского права. Применительно к этой ситуации в качестве примера можно назвать Францию. Нормы, касающиеся запрета антиконкурентного поведения, здесь сосредоточены прежде всего в Торговом кодексе Франции (далее — ТКФ), книга четвертая которого называется «О свободе цен и конкуренции». Статьи L 420-1 и L 420-2, расположенные в разд. II «Антиконкурентная практика», объявляют противоправными соответственно ограничивающие либо препятствующие конкуренции соглашения и согласованные действия, а также поведение, представляющее собой «неправомерное использование компанией или группой компаний доминирующего положения на внутреннем рынке или его значительной части».

Антиконкурентные соглашения могут касаться ограничения доступа на рынок или ограничения свободного осуществления конкуренции, фиксации цен, контроля производства или продаж продукции, инвестиционного или технического развития, а также предусматривать раздел рынка. Злоупотреблением доминирующим положением признаются отказ в продаже, связанные продажи, дискриминационные условия продажи, прекращение хозяйственных отношений в связи с отказом партнера подчиниться несправедливым коммерческим условиям. Статья L 420-3 прямо предусматривает недействительность любых обязательств, соглашений или договорных положений, нарушающих указанные выше запреты. Кроме того, в качестве эффективного инструмента установления ограничений и предупреждения правонарушений в конкурентных отношениях французским законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность за нарушения правил конкуренции²⁹. В частности, ст. L

420-6 ТКФ устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет и штраф в размере 75 тыс. евро для физических лиц, принимающих активное участие в разработке, организации или реализации запрещенных антиконкурентных практик. Возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности закреплена в разд. III «Иски о возмещении вреда, причиненного в результате антиконкурентного поведения» книги четвертой ТКФ, положения которого в целом соответствуют общим для Евросоюза правилам Директивы № 2014/104/ЕС. Статья L-481-3 предусматривает право потерпевшего от антиконкурентных действий требовать возмещения причиненного ему не только имущественного, но и морального вреда.

Право на возмещение возникших в результате нарушения законодательства о защите конкуренции убытков вытекает также из ст. 1382 и 1383 Французского гражданского кодекса, устанавливающих общую обязанность лица, причинившего кому-либо вред, в том числе по небрежности или неосторожности, возместить данный вред.

Исходя из анализа немецкого и французского законодательства о защите конкуренции, в российской юридической литературе предлагается изменить некоторые положения российского антимонопольного законодательства, в частности исключить из него понятие «монополия высокая или монополия низкая цена», а также упростить перечень запрещенных антиконкурентных соглашений и согласованных действий, уменьшив их количество и взяв при этом за основу положения ст. L 420-1 ТКФ³⁰. Вместе с тем представляется, что перечень запрещенных в настоящее время ст. 11 и 11¹ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» антиконкурентных соглашений и согласованных действий не является чересчур громоздким либо дублирующим друг друга (за исключением, возможно, нарушений, связанных с ценообразованием) и в целом охватывает те виды незаконного поведения, которые указаны в ст. L 420-1 ТКФ. Что касается понятий монополия высокой и монополия низкой цены и связанных с их установлением правонарушений, то российская правоприменительная практика свидетельствует о достаточно частом применении норм, объявляющих незаконными действия по их установлению. Это свидетельствует о практической востребованности данных положений законодательства и необходимости учета всех возможных последствий их корректировки.

²⁸ См.: Nagy C. *Collective Actions in Europe: a Comparative, Economic and Transsystemic Analysis*. Springer Nature Switzerland AG, 2019. P. 1—6.

²⁹ См.: Терновая О. А. Пределы свободы и ограничения конкуренции по законодательству Франции: история и современ-

ность // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2. С. 46.

³⁰ См.: Осипов М. Ю. Сравнительно-правовой анализ регулирования защиты конкуренции по законодательству России, Франции и Германии // Законодательство и экономика. 2016. № 7. С. 77.

Современный период мирового развития характеризуется широкой цифровизацией общественных отношений. Информационные технологии и системы мобильной передачи данных все более активно используются в экономической деятельности, способствуют формированию хозяйственных и социальных отношений нового типа. Для цифровой экономики характерно стремительное возникновение новых высокотехнологичных рынков и сервисов, охватывающих большое количество участников. При этом на подобных рынках также возникают отношения конкуренции, а компании-агрегаторы, обеспечивающие функционирование цифровых платформ, нередко стремятся к монополизации таких рынков либо осуществлению на них иной ограничительной деловой практики. В связи с этим современные государства пытаются определить, какими должны быть их дальнейшие действия в области антимонопольного регулирования цифровых общественных отношений в целях предотвращения угроз нормальному функционированию рыночного механизма³¹. Вопросы защиты конкуренции на современных высокотехнологичных рынках являются актуальными и для государств ЕС. Так, Европейской комиссией был разработан и 15 декабря 2020 г. в окончательном варианте представлен для общего обсуждения и рассмотрения органами Евросоюза проект так называемого Закона о цифровых рынках (*Digital Markets Act*)³². В нем отмечается важность регулирования работы цифровых платформ, необходимость защиты интересов потребителей от возможных злоупотреблений со стороны крупных цифровых компаний. Среди целей законопроекта отмечается также повышение конкурентоспособности европейских технологических компаний и воспрепятствование усилению доминирующей роли американских цифровых гигантов, таких как Google, Amazon, Facebook*, Apple и Microsoft³³.

Законопроект вводит в оборот понятие «привратник» и предлагает дополнить антимонопольное регулирование набором требований к цифровым компаниям, которые получают статус «привратник». Ком-

пания получает такой статус, если имеет сильную экономическую позицию, значительное влияние на внутренний рынок и активна во многих странах ЕС; находится в позиции посредника, так как связывает большую базу пользователей с большим количеством предприятий; обладает (или в скором времени будет обладать) прочным положением на рынке, обеспечивающим ей экономическую стабильность³⁴.

Конкретные критерии, при наличии которых предполагается, что хозяйствующий субъект обладает подобными качествами и является компанией-привратником, указаны в ст. 3 законопроекта: а) годовой доход компании в пределах территории Европейской экономической зоны составляет свыше 6,5 млрд евро в течение последних трех лет или средняя рыночная капитализация либо эквивалентная справедливая рыночная стоимость компании составляет не менее 65 млрд евро в течение последнего финансового года; б) осуществление деятельности по меньшей мере в трех государствах — членах ЕС; в) наличие не менее 45 млн пользователей — физических лиц в Евросоюзе в месяц и не менее 10 тыс. компаний-пользователей, зарегистрированных на территории ЕС, ежегодно.

Организация, удовлетворяющая указанным условиям, обязана сама уведомить Еврокомиссию о том, что она соответствует пороговым значениям, установленным для привратника. Ограничения, налагаемые на такие компании, указаны в ст. 5 и 6 законопроекта. Многие из них основаны на реальных делах, которые были рассмотрены Еврокомиссией в отношении различных хозяйствующих субъектов. Так, согласно ст. 5 привратник, в частности, должен воздерживаться от объединения персональных данных пользователей, полученных в результате функционирования его основной информационной платформы, с данными, полученными из любых других его сервисов; не препятствовать коммерческим структурам-пользователям предлагать те же продукты или услуги через других цифровых посредников по ценам или на условиях, отличных от тех, которые указаны ими в онлайн-сервисах привратника; не запрещать коммерческим структурам-пользователям переадресовывать иным субъектам предложения, полученные в результате доступа к базовому сервису привратника и заключать контракты с этими конечными пользователями независимо от того, используют они основной сервис привратника или нет; воздерживаться от требования к пользователям давать согласие на какие-либо другие услуги базовой платформы в качестве условия доступа или регистрации на ней.

Статья 6 законопроекта предлагает возложить на привратника ряд дополнительных обязанностей с це-

³¹ См.: *Spiridonova A., Juchnevicius E.* Price algorithms as a threat to competition under the conditions of digital economy: approaches to antimonopoly legislation of BRICS countries // *Brics Law Journal*. 2020. Vol. 7. Iss. 2. P. 95—96.

³² Proposal for a regulation of the European parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (*Digital Markets Act*). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/proposal-regulation-single-market-digital-services-digital-services-act_en.pdf (дата обращения: 16.11.2021).

* Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³³ См.: *Broadbent M.* Implications of the Digital Markets Act for Transatlantic Cooperation. URL: <https://www.csis.org/analysis/implications-digital-markets-act-transatlantic-cooperation> (дата обращения: 16.11.2021).

³⁴ См.: *Шрам Д. В.* Антимонопольное регулирование деятельности IT-гигантов: основные тенденции зарубежного и российского законодательства // *Пролог: журнал о праве*. 2021. № 1. С. 58.

люю не допустить с его стороны ограничений конкуренции. Речь идет о предоставлении пользователям возможности удалять любые предустановленные программные приложения в рамках информационной платформы привратника без ущерба для ее функционирования, а также о разрешении установки и использования сторонних программных приложений, об обеспечении недискриминационного доступа пользователей к предложениям о товарах и услугах конкурентов привратника на его информационных сервисах и ряде других требований.

В целом данный законопроект представляет собой достаточно интересное, основанное на обобщении европейской правоприменительной практики предложение для законодателя, касающееся регулирования деятельности современных цифровых компаний. Представляется вполне уместным учесть его основные положения при дальнейшем совершенствовании российского антимонопольного законодательства. Отметим, что в России также предпринимались определен-

ные попытки по адаптации антимонопольного регулирования к современным реалиям цифровизации. Так, российским антимонопольным органом был подготовлен и внесен в Государственную Думу РФ законопроект, получивший название пятого антимонопольного пакета³⁵. В дальнейшем, правда, данный законопроект получил немало критических отзывов в ходе его экспертной оценки различными государственными органами и научным сообществом. Несмотря на это следует признать важность продолжения законопроектной работы, направленной на развитие антимонопольного регулирования в рамках как Европейского Союза, так и Российской Федерации, а также объединения усилий различных государств с целью выработки норм международно-правового характера, регулирующих отношения конкуренции с учетом современной экономической реальности.

³⁵ Проект федерального закона № 745967-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”».

Список литературы

- Broadbent M. Implications of the Digital Markets Act for Transatlantic Cooperation. URL: <https://www.csis.org/analysis/implications-digital-markets-act-transatlantic-cooperation> (дата обращения: 16.11.2021).
- Maier I. Competition Law Modernization: an Evolutionary Tale? // *The Evolution of EU Law* / ed. by P. Graig, G.de Burca. Oxford University Press, 2011.
- Mundt A. The ECN's Way Ahead: Making Decentralised Antitrust Enforcement Waterproof // *Journal of European Competition Law & Practice*. 2014. Vol. 5. Iss. 8.
- Nagy C. Collective Actions in Europe: a Comparative, Economic and Transsystemic Analysis. Springer Nature Switzerland AG, 2019.
- Peepkerorn L. Competition Policy is not a Stopgap! // *Journal of European Competition Law & Practice*. 2021. Vol. 12. Iss. 6.
- Spiridonova A., Juchnevicius E. Price algorithms as a threat to competition under the conditions of digital economy: approaches to antimonopoly legislation of BRICS countries // *Brics Law Journal*. 2020. Vol. 7. Iss. 2.
- Vandenborre I., Lent K., Goetz T., Frese M. Actions for Antitrust Damages in the European Union: Evaluating the Commission's Directive Proposal // *Global Competition Litigation Review*. Thomson Reuters (Professional) UK Limited and Contributors. 2014. Iss. 1.
- Баринов Н. А., Козлова М. Ю. Антимонопольное законодательство РФ (вопросы теории и практики). Волгоград, 2001.
- Беляева О. А. Предпринимательское право: учеб. пособие / под ред. В. Б. Ляндреса. М., 2006.
- Гаврилов Д. А. Некоторые вопросы взыскания убытков вследствие нарушения антимонопольного законодательства: текущая практика и перспективы с учетом зарубежного опыта // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2015. № 3.
- Истомин В. Г. Антиконтурентные соглашения: юридическая сущность и правовые последствия // *Журнал российского права*. 2018. № 12.
- Каминка А. И. Очерки торгового права. М., 2002.
- Капустин А. Я. Международные модели регулирования конкуренции: к постановке проблемы // *Журнал российского права*. 2017. № 1.
- Кутькина А. А. Соглашение и согласованные действия как виды сговора в конкурентном праве Европейского Союза // *Конкурентное право*. 2015. № 3.
- Оводов А. А. Правовое регулирование в сфере защиты конкуренции в Федеративной Республике Германия и в Англии: актуальные вопросы // *Конкурентное право*. 2014. № 4.
- Осипов М. Ю. Сравнительно-правовой анализ регулирования защиты конкуренции по законодательству России, Франции и Германии // *Законодательство и экономика*. 2016. № 7.
- Позднякова А. Э., Котова Д. А., Семенова Е. В. Вопросы конкуренции на рынке социальных сетей // *Закон*. 2020. № 2.
- Смирнова К. В. Зарождение и развитие конкурентного права в Европе (теоретико-правовой анализ) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2014. № 2.
- Сулименко А. Д. Взыскание убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства // *Юрист*. 2019. № 7.
- Терновая О. А. Пределы свободы и ограничения конкуренции по законодательству Франции: история и современность // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки*. 2017. № 2.
- Толочко О. Н. Институт защиты конкуренции в национальном и международном праве: опыт, проблемы, перспективы // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2016. № 6.

- Шайхеев Т. И. Индивидуальная и коллективная монополистическая деятельность хозяйствующих субъектов по конкурентному (антимонопольному) праву России и зарубежных стран // *Международное публичное и частное право*. 2012. № 4.
- Шрам Д. В. Антимонопольное регулирование деятельности IT-гигантов: основные тенденции зарубежного и российского законодательства // *Пролог: журнал о праве*. 2021. № 1.
- Яковлева А. А. Воспрепятствование доступу на рынок поставки газа в свете правоприменительной практики антимонопольных органов России и Европейского Союза // *Конкурентное право*. 2013. № 4.
- Яковлева А. А. Доминирующее положение на товарном рынке и злоупотребление им в праве Европейского Союза // *Конкурентное право*. 2013. № 3.

References

- Barinov N. A., Kozlova M. Yu. Antimonopoly legislation of the Russian Federation (issues of theory and practice). Volgograd, 2001. 190 p. (In Russ.)
- Belyaeva O. A. Business Law: textbook. Ed. by V. B. Lyandres. Moscow, 2006. 272 p. (In Russ.)
- Broadbent M. Implications of the Digital Markets Act for Transatlantic Cooperation. Available at: <https://www.csis.org/analysis/implications-digital-markets-act-transatlantic-cooperation> (accessed 16.11.2021).
- Gavrilov D. A. Some issues of recovery of losses due to violation of antimonopoly legislation: current practice and prospects taking into account foreign experience. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, 2015, no. 3, pp. 19—27. (In Russ.)
- Istomin V. G. Anticompetitive Agreements: Legal Essence and Legal Implications. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 12, pp. 62—71. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_12_6.
- Kaminka A. I. Essays on commercial law. Moscow, 2002. 547 p. (In Russ.)
- Kapustin A. Ya. International Models for Regulation of Competition: Problem Statement. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 1, pp. 15—24. (In Russ.) DOI: 10.12737/23699.
- Kut'kina A. A. Agreement and agreed actions as kinds of conspiracy in the competitive law of the European Union. *Konkurentnoe pravo*, 2015, no. 3, pp. 8—11. (In Russ.)
- Maher I. Competition Law Modernization: an Evolutionary Tale? *The Evolution of EU Law*. Ed. by P. Craig, G. de Burca. Oxford University Press, 2011. 984 p.
- Mundt A. The ECN's Way Ahead: Making Decentralised Antitrust Enforcement Waterproof. *Journal of European Competition Law and Practice*, 2014, vol. 5, iss. 8, pp. 519—520.
- Nagy C. Collective Actions in Europe: a Comparative, Economic and Transsystemic Analysis. Springer Nature Switzerland AG, 2019. 122 p.
- Osipov M. Yu. Comparative legal analysis of the concept of protection of competition under the legislation of Russia, France and Germany. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2016, no. 7, pp. 71—78. (In Russ.)
- Ovodov A. A. Legal regulation in the sphere of protection of competition in the Federative Republic of Germany and England: topical issues. *Konkurentnoe pravo*, 2014, no. 4, pp. 29—32. (In Russ.)
- Peeperkorn L. Competition Policy is not a Stopgap! *Journal of European Competition Law and Practice*, 2021, vol. 12, iss. 6, pp. 415—418.
- Pozdnyakova A. E., Kotova D. A., Semenova E. V. Competition on the social network market. *Zakon*, 2020, no. 2, pp. 74—85. (In Russ.)
- Shaykheev T. I. Individual and collective monopolistic activity of economic entities under the competition (antimonopoly) law of Russia and foreign countries. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2012, no. 4, pp. 35—40. (In Russ.)
- Shram D. V. Antimonopoly regulation of IT giants' activities: main trends of foreign and Russian legislation. *Prolog: zhurnal o prave*, 2021, no. 1, pp. 54—65. (In Russ.) DOI: 10.21639/2313-6715.2021.1.6.
- Smirnova K. V. The origin and evolution of the competition law in Europe (legal theoretical analysis). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2014, no. 2, pp. 206—213. (In Russ.)
- Spiridonova A., Juchnevicius E. Price algorithms as a threat to competition under the conditions of digital economy: approaches to antimonopoly legislation of BRICS countries. *Brics Law Journal*, 2020, vol. 7, iss. 2, pp. 94—117.
- Sulimenko A. D. Recovery of damages caused by antimonopoly law violation. *Yurist*, 2019, no. 7, pp. 61—69. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3929-2019-7-61-69.
- Ternovaya O. A. The limits of freedom and competition restrictions in the legislation of France: history and modernity. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 2, pp. 44—51. (In Russ.)
- Tolochko O. N. Institute of the competition protection in national and international law: experience, problems, prospects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2016, no. 6, pp. 151—163. (In Russ.)
- Vandenborre I., Lent K., Goetz T., Frese M. Actions for Antitrust Damages in the European Union: Evaluating the Commission's Directive Proposal. *Global Competition Litigation Review. Thomson Reuters (Professional) UK Limited and Contributors*, 2014, iss. 1, pp. 1—4.
- Yakovleva A. A. The dominant position in the commodity market and its abuse in the law of the European Union. *Konkurentnoe pravo*, 2013, no. 3, pp. 25—28. (In Russ.)
- Yakovleva A. A. The hindrance to access to the gas supply market in light of the law enforcement practice of Russian and European Union's antitrust agencies. *Konkurentnoe pravo*, 2013, no. 4, pp. 18—25. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Г. Истомин, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент